

Гулу Агсес

Поэт. Президентский стипендиат. Автор сборника стихов «В песчинке каждой...»

Переводился на многие языки.

Заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Улдуз».

Стихи

перевод Ниджата Мамедова

Точки

(Из цикла «Знаки п/трепинания»)

Имя что не сходит с уст

.т.о.ч.к.и.

Вызывают костный хруст

.т.о.ч.к.и.

Ударяют в глаз и в бровь

.т.о.ч.к.и.

Заползают в мою кровь

.т.о.ч.к.и.

Надвигаются как бред

.т.о.ч.к.и.

Не вопрос и не ответ

.т.о.ч.к.и.

Есть перо, письмо и есть

.т.о.ч.к.и.

В небе правит Бог, а здесь

.т.о.ч.к.и.

Знак восклицательный

(из цикла «Знаки п/трепинания»)

Так жестка его рука –

Знак восклицательный

Смотрит только свысока

Знак восклицательный

Невозможно усмирить

Знак восклицательный

Входит в ушко словно нить

Знак восклицательный

Богом брошен, позабыт:

Знак восклицательный

Как стрела порой разит
Знак восклицательный
Запятая под пятой –
Знак восклицательный
Точку увенчал собой
Знак восклицательный

Вопросительный знак

(из цикла «Знаки п/трепинания»)

Кто это в миноре
Вопросительный знак
Носит горы горя
Вопросительный знак
Слов не надо лишних
Вопросительный знак
Потерявший близких
Вопросительный знак
Раз и закипает –
Вопросительный знак
Точка вверх взмывает –
Вопросительный знак
Нет, не серп, не остров –
Вопросительный знак
Божье имя, просто:
Вопросительный знак

Сло-ги

(из цикла «Знаки п/трепинания»)

I
И тихая длится ночь...
Прозвучит к утру азан.
Словно меч мое перо
разрубает на куски
и спускает эту ночь
в силлабический казан...

II
Чудным было утро то...
(Но я время позабыл)
Я обрадовался, что
с соком сердца своего

приготовленную ночь
перед солнцем разложил...

Мои пальцы не тихони,
Тянутся туда, сюда.
Яблоко им дай глазное –
Доведут так до суда.

Указательный на спуске
И мишенью выбран я.
Пальцев этих шаловливость
Я терплю, себя кляня.

А на них я выбил цифры
От нуля до девяти.
Руку нежную отпустят
У калитки лишь: «Лети».

От «дай пять» их в дрожь бросает
И пугают их ветра.
Перепрыгнут пару строчек –
И одышка до утра.

Обручального колечка
Не видали на себе.
Только ногти согревали,
Нет перчаток в их судьбе.

Мои руки под плитою,
Пальцы мои там – в гробу.
Пусть твой дух, отец, поможет:
Пальцем шевельнуть хочу.

...На коне гарцует горе,
Разрывая душу, плоть.
Чтобы пальцы не дрожали,
Жаркой смерти б мне, Господь...

Ночь задыхается
Человек
Распустить желает руки.
Птица Феникс и Жар-птица
Растворяются друг в друге.

Ухает сова устало
На соседскую борзую.

Шьет Всевышний покрывало,
Землю чтоб прикрыть нагую.

...И рассвет ночь провожает,
Ей росой путь окропляет.
Пока солнце не сияет,
Петухи взамен, знай, жарят.

Без остатка себя тратил,
Разграбляя свои дни.
Но не умер, но не спасся
Я от смертной западни...

Скорбь, любовь, судьба и небыль,
Быль покрыла душу мне.
Я хотел расправить крылья –
Пыль покрыла душу мне...

Я взглянул и как увидел,
Миром стал по горло сыт.
Нет мне от него спасенья:
Я бегу... за мной бежит...

Так в мечты ушел мой голос
И звучит он без прикрас.
Падший ангел искупался
В том дожде, что лью из глаз...

Боже, Боже, кто ты, что ты –
Вопрошать так – наш удел.
В мире, созданном тобою,
Ты остался не у дел...

Дни свои ты как проводишь,
Мил бываешь и жесток?..
Как тебя нам обездвижить,
На какой поймать крючок?!

Не обидим, коль увидим,
Покажи-ка нам свой лик!
Если мы живем счастливо,
Дай исторгнуть страшный крик!..

...Ты любим, что б ты ни делал,

Сядь на шею, я твой раб!..
Хоть сложил ты эти строфы –
Грех на душу взять я рад...

Время попусту не трачу,
Продаю из первых рук.
Обласкай меня как кошку –
Загоню тебя на сук...

Вдруг заденут за живое
Мертвые слова мои.
Знай, я стоя умер, чтобы
Быть подальше от земли.

Бог ушел, он мир оставил –
Торг. Оставил здесь внизу
Воздуха глоток в витрине
Да горячую слезу...

Ночь

Устал и присел
на краешке листа.
Сердце воет волчым воем,
воем волчым...
не могу сказать «баста».

Стог стихов
собрал на зиму,
Строки, строфы вереницей.
Пусть взойдет на небе солнце...
Чтобы ночь
спугнуть как птицу...

Думаю:
Жить!
– Проще только умирать!
Жить!
– Прошлое вперед толкать!
Но...
Пусть в смертный час
Развеется предо мной всё мнимое.
Пусть смерть позовет тихо-тихо,
Чтоб не проснулась любимая...

Я принес живую воду,
Не пролив ничуть.
Сделал шаг от слова к слову –
И потерян путь.

Слава! даже после смерти
Вложена (в земной ты тверди)
В твердь небесную из ситца.

У него есть люлька, детки,
Хоть порою тесно в клетке,
Сердце что гнездо, не птица...

Без тебя я будто таю,
Без тебя мне жизнь пустая,
Но нельзя мне с ней проститься...

Предначертано – вот, дожил,
Взгляд мой на престоле Божьем,
Вечно будет он светиться...

Что за гора, о Боже,
что это с ней:
у подножья горстка деревьев
да пней,
горбатая земля –
теста комок без дрожжей...
Без уст –
не крикнуть, когда молнией в спину,
карман пуст –
не кликнуть рабочих, чтоб лифт провести
и в гости позвать долину...

Город чуждый.
Слева
белых квартал,
знакомый балкон
отправить в роддом
серенада ночная готовится.

Справа
черных квартал,
под памятной табличкой
национального героя
нищенка молится:
«Неправда,
неправда вовек!
В этом мире дорога
не Родины дорога,
в мире дорог – человек...»
Бормочет что-то еще,
всё тише и тише.
Затем
вновь умолкает стыдливо,
бросив взгляд выше...

Порой
от матери тайком
дело благое
сделать хочу,
созвав
всех вдов,
замуж выдать хочу,
ну хотя бы одну...
К тому же
за такого мужа,
чтоб он не огорчал затем ни ее,
ни себя.
Может, и не поверите,
лишь тогда
припомнить могу
лицо покойного отца,
что никогда не видел я...

«О Боже, позволь
брошенной малиютке
в чреве моем очутиться!»
– Бездетная старуха
и в доме престарелых
не перестает молиться...

Господа!
Жизнь есть ответ
Всего на пять вопросов:

Кто?
Никто.
Что?
Ничто.
Куда?
Никуда.
Как?
Никак.
Когда?
Никогда.

И застывший в изумленье
Между адом я и раем.
Все мечты мечом отметив,
Свадьбу горести играют.

Знаю, почему старею:
Те, кого люблю как прежде,
Бросили меня, быть может? –
Вера и Любовь, Надежда...

Предначертано мне Богом
(Всем) войти в чертоги смерти.
Я же здравствовать желаю
От души ему, поверьте.

18 декабря, 2003

Я у тебя спрашиваю,
учебник географии:
где же,
где
уровень моря?!

Будь
море на уровне,
не стало бы пинать
добровольно попавшего в плен Человека.
Ну, по крайней мере
не стало бы проникать
в коробок спичек в кармане,
чтобы тот
из водорослей сухих
мог развести
костер напоследок

и прочитать
молитву о душах
невинных жертв,
идущих за ним...

Ты
старатально избегаешь колючек,
опасаясь попасть в беду!
Я
прохожу между жизнью и смертью,
хотя по пустой дороге иду!

Ты
нюхаешь календарь как водку.
Выискиваешь поводы,
чтобы растекаться мыслью по древу.
Я
ищу во времени правое слово,
чтоб перо не свернуло налево...

Ты
купил себе место в раю.
Ангелы ожидают тебя
и не зададут вопросов.
Я
уподобляю кладбища
мусорным бакам земли
при виде человечьих отбросов...

Возвращается со свадьбы
дружеской Небесный свод,
Россыпь облаков далеких
смотрит наземь с вышины.
В млечном озере ночей
полная Луна плывет...
Души наши на замке...
И молитвы так пресны...

Не осталось тех, кто рад
горестям, что шлет Всевышний,
надоела мне уже

боль и жизнь – сие не ново...
И влюбиться не могу,
чтоб почувствовать: не лишний,
да и в сердце разоренном
не гнездится слово...

Вздрагиваю я от хрипа:
это гибнут все желанья,
вмиг к чертям летит надежда –
усидеть невмочь в седле.
Счастье в стороне стоит
от уставшего созданья.
Смерть и близко не подходит...
Выход лишь в петле.

На пустыре, узнаю,
должен быть киоск с окошком.
я любовь последнюю
в сердца хороню лукошке.

Вечером бы загадать:
стой, закат! уди, светило!
Чем же нам жизнь напугать,
чтоб от ужаса застыла?!

Слово я вчера поел,
оно вкусным было очень.
Ветер свистнуть не успел,
а волна уже хохочет.

Шутовской ему наряд
выпал, бубенец – чтоб звякать.
Никому смех не даря,
вдоволь бы хотел поплакать.

Звезда – и ночи грудь горит, красна
От пыток.

Ты об этом знаешь? –
Нет.

Ты в почту ветра листья не бросай –
Закрыто.

Ты об этом знаешь? –
Нет.

В себя всмотрись – в душе цветут сады,
Но покажи, растут ли там плоды?!

Поделена на части жизнь... и ты

В остатке.

Ты об этом знаешь? –
Нет.

Не избежать нам смерти пут и путь
Наш жизненный неотвратим ничуть.
Нет-нет, Бог любит нас... а смерти суть –
В закалке.

Ты об этом знаешь? –
Нет.

Я должен был уйти, пока царил бардак,
Родиться вновь, когда потише станет тут,
Узнать, есть Бог иль нет, рассеяв смертный мрак,
Ведь сказка – это ложь, и молодцы все лгут...

Мы жизни отдаем за воздуха глоток,
А он кончается на полпути.
Днем человек петляет...
(нити где моток?).
При сумерках его уже нельзя найти...

Если узнают про мою любовь,
Столпотворению мне что ответить?!
Если узнают, заберутся в кровь
И жизни не дадут на белом свете...

Неужто мы с тобой как ключ без дверцы?
Хотел любовь унять...
тебя сберечь.

Я раскрывал случайным людям сердце,
Чтоб из него, как шип, тебя извлечь...

Но я не смог...

по правде говоря,
Ведь с места ты не сдвинулась сама.
Стихия ты моя – огонь, моря,
Пучиной поглоти, сведи с ума!

...И будем помнить мы с тобой одни
(И это пронесем мы до конца пути),
Что бесприютностью охваченные дни –
Пустяк. Влюбленных сердце приютит...

День моего рождения

Матери «Ликуй», - сказали,
«Вот твой сын, танцуй», - сказали.
Днем моим так называли
Все 20-ое апреля.

Я на жизнь пустую плюнул,
И на день свой (кто я?) плюнул,
Плюнул снова, стоя, плюнул
На 20-ое апреля.

Умереть хотел, не вышло,
Скромных похорон иль пышных
Пожалел, видать, Всевышний
На 20-ое апреля.

И эта любовь разбилась –
Камень, камень, ты везучий.
Сам Господь пусть свет дарует
Голове, где тьма да тучи.

Бросила меня красотка,
Бросила во мраке ночи,
Из окна, куда глядела,
На асфальт, да что есть мочи.

Бросила меня – и верно,
Что ж еще ей оставалось?
Меня, совсем безумного,
Свесть с ума еще на малость?

...С этим миром не считаюсь,
Кровь моя замерзла в жилах,
Призову тебя, жестокость:
Сердце ведь свое отжило...

Я и она

Я
Не смог обрадовать ее объятья.
Она
Не сделала меня отцом.
Бог увидел,

Что мы смиренны,
И не стал даровать боли кольцо.

Я
Полюбил ее всем сердцем,
Она
Меня всей душой.
На границу между нами
Мы бросаем петарды порой.

Я
Могу бросить ее, уйти,
Не ахти моя натура, знает.
Спрашиваю у нее:
– А ты?
Слезами мои
Очки омывает.

Не льется свет в твои глаза,
Из глаз моих не льются слезы.
Болит твое сердечко,
В моем не расцветают розы.

Зовет тебя жизнь,
Меня – спутница жизни.
Ты волосы считаешь на голове,
Я – срок, оставшийся до тризны.

Стойкой будь!
Хочешь, бейт тебе прочту
Из Гулу Агсеса:
Снизу – строку,
Сверху – строку...

А затем?
Затем, если не сможешь уснуть,
Десять раз сосчитай
От одного до ста.
И во сне пара пчел
Прилетит на сахар
На твоих устах.

Я рассказываю это лишь тебе –
своему проказнику:
Твой отец – банка солений

В бедняцком дому,
Открывается изредка,
 от праздника к празднику.

Твое рождение – тоже праздник,

Ты цветок,

Потому у меня пара слов.

Дай Бог, чтоб они не походили

На тост, наставление,

Совет

Иль упрек.

Может, в трудную минуту

Нижесказанное на помошь придет.

Не для птицы щебечет птица,

Не для поэта читает поэт.

Птица на ветке поет,

На бумаге поэт открывает рот.

Женщинам не лгут,

Истина живет в мужском обличье.

Конечно, женщине мужчина нужен.

Мужчинам правду не говорят,

Ложь больше похожа на женщину.

Потому каждому мужчине

Хочется ложь испробовать на ужин.

А еще не забывай:

Я от одиночества стал на других непохожим,

Ты, кажется, будешь похож на отца.

...Вот и всё, малыш, спи,

Уже поздно очень...

Посмотри, как заботливо небо,

Ставит банки из звезд

На спину ночи...

Если вдруг придется мне

Раньше тебя умереть,

Если увидишь, что торжествует смерть,

Исполни мое завещание:

Плесни вслед воды и успеха

Пожелай на прощание...

Волосы не рви, не вздыхай,

Гони из горла ком.

Я к Богу иду,

Не подумай о чем-то другом...

Никого не подпускай и близко к двери,

Кроме последнего вдоха –

Лишь перед ним я останусь в долгу,
Ибо выдохом ответить ему не смогу –
Ведь к должникам стучатся в дверь.

А еще

Ты уже не ребенок,
Бренному миру,
Льющему слезы,
Не верь...

Умереть бы спокойно,
Как тропинка,
Заросшая травой...
Услыхать бы нежданное слово
Вроде «потише»,
Что впервые произнес немой...
Взгрустнуть бы, паря в облаках,
И молнии дать осушить
Слезу, падающую с лица...
Перенести бы свадьбу свою на Судный день,
Чтоб благословение получить у отца...

«Умираю...», – ты пишешь;
В ладоши всем бить!
Хорошо, что пока от любви умирают.
И мужчина, видать, может ангелом быть,
Пусть и ангелом смерти – он тоже из рая.

Я не знаю, счастливой тебя мне считать
Иль считать тебя самой несчастной на свете.
Ты поверь, не хочу я тебя обижать,
Потому уж давно ищу, как бы ответить.

В моем сердце ничья не появится тень,
Если там сторожит мой малыш раны рьяно.
Ведь любовь для меня, все равно – прошлый день,
Ты любовью своей лишь назад меня тянешь.

А в ответном письме все слова вкривь и в кровь,
Расцветают так пышно и вскорости вянут.
Я боюсь, что умрешь, но не сгинет любовь,
Или выживешь ты, но любовь не протянет...

Четырехэтажный наш дом
На баяты похож.
Автор этих строк
Живет на первой его строке, –
Это знают те, кто в дом мой вхож.
«На строке живу на первой...»
Суть баяты
В четвертой строке:
«Суть в четвертой, я – на первой...»
Пусть начальные строки
Подвалом считаются.
Дома-баяты – единственные дома,
Чьи верхние этажи
Снизу затопляются
«Надо бы мне дом сменить,
Не могу на первой жить...»

Склон горы. Стою на нем...
а вокруг туман, дождит.
Я в обиде на судьбу...
сбился с верного пути.

Гладь долин как гладь озер, перевал тут так красив,
Птицы тихо так поют, словно горло простудив.

Плуг да борону бы взять, распахать вокруг туман,
Затянуть бы холавар¹ и цветы свести с ума...

Склон горы похож на грудь...
я не допил молока,
Здесь течет лишь муть, увы!
не молочная река...

...Вышло солнце... И туман вдоль оврагов убежал,
Облака свои штаны подтянули среди скал...

Если крикну в радио,
О Всевышний, ты услышишь?
Ты выходишь погулять
На эфирные просторы?
Укротил ты, длань воздев,
Ветер – он уже не дышит,

¹ Песня земледельца

Усмирил потоки ты,
Море, ветру что не вторит!
А к добру ли ты меня
Многих усадил превыше,
Ты поставь меня на место
На свое – к чему мне горы?
Я тебя нет, не узрел,
Ты во мне что оком выжег?!

...Смертная летит, услыши,
Колесница, словно птица;
Слово-воробей бессильно,
Но душа к тебе примчится...

На месте встречи

Жду тебя. На три часа
Раньше я сюда явился.
И на раны сыплю соль,
Чтобы сном я не забылся.

А откуда взялся снег?
Статуей из льда я стану.
Прислонился к дереву,
Ветка прикоснулась к ране.

Это дерево люблю –
Я за ним как будто дома.
Быстро прячусь за стволом,
Если вижу вдруг знакомых.

Доконаете меня:
Холод, ты и снег, страданье.
...Пусть часы четыре бьют,
И конец четвертованью.

Глаза немого –
запыленная
камера хранения
звучка.
Будто вот-вот прозвучит,
на подходе
слово «Бог»...

Люди давно для меня
Уж ничем не интересны.
Сердце вдруг замкнуло круг,
Для друзей, врагов там тесно.

Будто сразу полдуши
Стало достояньем мота:
В пустоте – весь в корчах нерв,
И во тьме шагает фото...

Не хватает и на крик
Воздуха, коль задыхаюсь.
И не жизнью я теперь –
Выживаньем занимаюсь.

В песчинке каждой...

Сколько мне осталось жить
дней, часов, скажи, о Боже?
От тебя уже давно
нет вестей, посылок тоже!
Кто отрезал путь к тебе –
путь, что тонок словно волос, –
Мне к каким чертям пойти,
раздается где твой голос?..
И когда ж пущусь я вскачь,
оседлав гнедого смерти? –
Лечит он, но я взлечу,
не достав небесной тверди.
Полечу, мои грехи
полетят в меня, как камни,
Может, все же рассказать
об ошибках, что я помню? –
Помнишь? – Полюбил одну,
да, она тебе знакома –
Я не взял ее себе,
но и не отдал другому.
Всё смотрела вдаль она,
как за журавлем синица;
Выжги мне глаза, потом
вознеси своей десницей.
Столько раз ты посыпал
слово – пребывал я в лени,
Сердце светом озарил,
но глупец держался тени.
Пил вино – не без вины –

не тебя ведь звал, а музу,
Созданный тобою мир
приходился не по вкусу.
Нет, не тронули меня
все твои богатства, слышишь?
Проклинал свою судьбу,
мне дарованную свыше...
...Твоя милость все мои
прегрешенья покрывает,
Грудь мою уже давно
от мольбы так распирает:
Место для раскаянья
дай мне, Господи, ведь стражду,
Чтобы там я лишь тебя
лицезрел в песчинке каждой!..
Чем прикажешь, все грехи
начисто свои там смою,
Если хватит сил, меня
там насыть сполна собою...